

Мари Соль

**ИЗМЕНА.
МОЙ НЕПРОЩЁННЫЙ**

УДК 82-3
ББК 84-4
С60

Соль М.

С60 Измена. Мой непрощённый / Мари Соль – М.: Литнет, 2025. – 354 с.

ISBN 978-5-521-93464-5

Терпение на исходе, и я беззвучно стою, вжимаясь затылком в сиденье машины. Я до последнего думал: «развод – это блажь». Что Настя не сможет вот так отказаться от жизни, от нашей семьи. Эта измена была просто поводом! Не будь её, повод нашёлся бы всё равно? Никогда не забуду, с каким наслаждением она сунула мне эту чёртову папку. Как будто хотела развода. Ждала, когда сможет расстаться со мной. Мне до сих пор кажется, что я убью любого, кто посмеет приблизиться к ней. Но зачем? Ведь она не моя! Но в ладонях свербит, и мне с трудом удаётся взять себя в руки...

ДВУХТОМНИК

Книга 2. Продолжение истории про Настю и Илью. Читать вместе с книгой: "Твоя случайная измена".

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93464-5

© Литнет, 2025
© М. Соль, 2025

Глава 1. Илья

На сидении рядом звонит телефон. Смотрю на него. Вижу надпись «отец», и снимать трубку не хочется. В прошлый наш разговор он сказал, что теперь у него всего двое детей. Ибо я ему больше не сын! В который уж раз?

Неужто, теперь передумал? Откинувшись на водительском кресле, закрываю глаза. Куда сильнее меня в данный момент волнует разговор с Настей. Она, кстати, выглядит так... Словно развод пошёл ей на пользу. А мне? Это вряд ли!

– Твой долг сберечь семью, – наставлял меня папа, – Ты взял на себя обязательства!

– Я не против сберечь её, Настя не хочет, – настаивал я.

– Так это она была неверна тебе? – взвился отец.

Соблазн сказать, что это так, был очень велик. Ведь она, наверняка, уже с кем-то спала?

– Нет, это я, – признался, понутив голову. Будто видел перед собой его хмурый анфас. Хотя это был всего лишь его голос.

– Сулэли¹! – выплюнул папа и бросил трубку. Но уже через пару минут он снова звонил мне.

Я всегда ощущал себя худшим в семье, с его «лёгкой подачи». Лев был любимчиком! Может ещё потому, что отцу выпало право назвать своего первенца. К моему появлению никто уже не радовался той принадлежности между ног, которая отличала меня от девочки. Отец хотел дочку! Хотел, чтобы та сидела у него на коленях и щипала за седеющую бороду.

До сих пор представляю себе, как он издал вздох разочарова-

¹ В переводе с грузинского – «дурак».

ния, когда впервые взял меня на руки. Мама пыталась опять. Ей очень хотелось подарить отцу дочь! Но четвёртым был выкидыш, и больше детей не вышло. Что обозлило отца ещё больше!

Он ожидал, что я хотя бы порадую его выбором жизненного пути. Но, не в пример Левтеру, я выбрал иную дорогу. Окончив школу, уехал искать развлечений на родину матери. И нашёл...

Сцепляю руки в замок. До сих пор не привыкну! Ходить туда, как в чужой дом. Видеть её, в этом фартуке...

– Проси прощения! – велел отец.

– Я попросил! Уже несколько раз, – процедил я сквозь зубы.

– Ещё проси, – убедительно бросил отец, чем несказанно меня удивил. Он! Который всегда говорил мне, что у женщины нет права голоса.

– Я не собираюсь ползать перед ней на коленях, – фыркнул я. Хотя ещё накануне почти был готов сделать это.

– За унижение платят унижением, – заметил отец, – Ты унизил её тем, что отказался от семьи.

– Я не отказывался! – повысил я голос, – Это она подала на развод.

– Ты мужчина, или нет? – рявкнул отец.

Вопрос был с подтекстом. Скажешь «да», – будет объяснить полчаса, что бы сделал мужчина. Скажешь «нет»... Ну, и так понятно, что не поздоровится.

– Пап, мне пора, – произнёс свою вечную реплику.

Хотя за всё время с тех пор, как уехал из Грузии, я не просил у него ни копейки, отец никогда не хвалил. Только хмыкал, не веря в успешность затеи. Зато всегда спешил рассказать об успехах Левтера. Как процветает под его началом новая лавка. Как бы намекая: «Вот что ждало бы тебя, останься ты на родине». Но я не остался!

Как и Алик, что уехал вслед за друзьями в Буэнос Айрес. Разбег плюс-минус два года, давал двум старшим возможность общаться друг с другом на равных. Я же был вечным изгоем! И добровольно изгнал себя дальше из лона семьи и опеки отца.

Единственная, кого я жалел – это мама. Она умудрилась остаться красивой в этом «царстве мужчин». И её любви хватало на всех нас! Сердце её разрывалось между отцом и детьми. Она всегда выступала посредником. Также и в этот раз позвонила мне вслед за отцом. И стала твердить:

– Илюша, сынок, ты прости его. Он успокоится! Это он не со зла.

– Я знаю, – буркнул в ответ.

– Неужели всё так серьёзно? – голос её задрожал. И я крепче сжал зубы. Неизвестно, что лучше – отцовское недовольство, или мамино сочувствие.

– А как же дети? Неужели, я больше не увижу моих дорогих внуков? Диночка и Давид! О! – она разрыдалась...

Один только Бог знает, чего мне стоило не выкрикнуть: «Хватит!».

Я и сам укорял себя множество раз. Хватит! Довольно! Сил больше нет. Ведь судьба наказала меня. Разве не так?

Вспомнилось тут же Снежанкино личико, испуганный взгляд синих глаз.

– Илюшенька, как же это? Никитка... Господи! – шептала она, с каждым словом бледнея всё больше.

Я целовал её руки и убеждал, что всё излечимо. Хотя в голове неустанно крутилось: «Не всё! Чёрт, не всё!»,

Она не винила себя, но однажды сказала серьёзно и взвешенно:

– Лучше бы я умерла тогда.

Я не стал уточнять. Понял и так! После того, как Снежана узнала, что я женат...

Я не сразу сказал. А признавшись, получил отворот-поворот. Она объявила мне, что лучше закончить сейчас. А я не стал спорить! Однако вернулся в Торжок, сам не знаю зачем. По делам? Но я мог бы не ехать. Послать заместителя. Дело не срочное! Но мне нужно было поехать туда самому. Словно чувствовал...

Её телефон в тот раз молчал очень долго. А, когда, наконец, взяли трубку, то я услышал чужой, незнакомый мне голос.

– Не звоните сюда больше никогда, слышите! – огорошил он своим криком.

– Ч-то? Где Снежана? – спросил, прерывая ругательства.

– По вашей вине она чуть не умерла! По вашей! – обвиняла какая-то женщина.

Это была её мать. У которой я чуть ли не силой выведал, что Снежана хотела выпить таблеток и умереть. Причина была очевидна! Делилась ли она с матерью планами о том, что повстречала приезжего? Что это он приезжает примерно раз в месяц, и дарит охапки цветов?

Я пожалел в тот момент, что насмерть не сбил её пса. Я множество раз об этом жалел, хотя очень люблю животных! Тогда бы потребность увидеться снова не была так навязчива и неотвратима.

Я думал об этом каждый раз, держа её тело в объятиях. Любя её, в тот, самый первый. Входя до конца...

– Я преступник, убить меня мало, – констатировал я, откинувшись на спину. Номер в отеле, что нас приютил, обладал теплотой и уютом.

– Если бы все преступления были такими приятными, – прошептала Снежана, прижавшись ко мне своим телом.

В тот раз её откатали. И врач мне сказал, что Снежана беременна. Это было весной. А летом Настя подала на развод!

Настя... Я снова дышу через раз, вспоминая объятия. Её голос, запах волос. Динка сказала, что к ним приходил «взрослый дядя».

– Что значит, взрослый? – спросил я у дочки.

Она оказалась единственным человеком, который не отвернулся от меня в этот трудный период. И плевать, почему! Я дорожил каждым проведённым с ней часом.

– Ну, он такой нарядный, в рубашке, – протянула она, – У него ещё бородка смешная, в полосочку.

Я вспомнил Эльдара. Его седовласую поросль. И то, как он себя вёл в ресторане. Мудак! Думал, что я поверю в его легенды о том, что они с Настей «просто друзья»?

– Как бы там ни было, вы ей не пара, – высказал старый дурак.

– А кто же ей пара, по-вашему? – рявкнул я, – Вы?

– Человек, который станет её уважать и беречь, – произнёс конкурент.

Он уже метился! Ещё в тот раз, в баре, я понял, что он неспроста кружит рядом с ней. И теперь...

– Мышонок, – обратился я к дочери, – Слушай, а ты могла бы за этим дядей понаблюдать?

Дина нахмурилась:

– Понаблюдать?

– Нуу, – я бросил расплывчато, – Послушать, что он говорит твоей маме.

Дочка хмыкнула:

– А зачем?

– Ну, – повторил я, – Вдруг он обижает её?

– Нет, – ответила Дина, – Дядя Эльдар хороший! Он нам яблок принёс.

Я сжал кулаки и медленно выдохнул. В этот момент позабыв обо всём.

– Значит, всё-таки, дядя Эльдар?

– Ага, – беззаботно ответила дочка, – Но ты не волнуйся! Я никогда не стану звать папой никого, кроме тебя.

Я откинулся на спинку дивана, уставил взгляд в потолок. Нащупал им выемку. След от бутылочной пробки. На новый год как-то раз открывали шампанское... С тех пор Настя гнала меня вместе с бутылкой во двор.

Я вспоминаю объятия. Снова и снова! И голос, простой и знакомый:

– Возьми, – как будто не жалко.

Но я не смогу, не посмею...

«А у тебя разве есть выбор?», – забавляется разум. Да, верно! Выбора нет. Но я что-то придумую! Зачем я сказал ей, ума не при-

ложу? Неужели хотел вызвать жалость. Вот, мол, смотри, я наказан. Наказан! Так может, хоть ты наконец-то простишь?

Динка вбежала на запах. И встала в дверях, наблюдая объятия. Настя отпрянула тут же! Смутилась. Я отвернулся к окну, вытирая лицо. Не хватало предстать перед дочерью в плачущем виде.

– А что это вы тут делаете? – спросила она и залезла с ногами на стул.

– А... чай пьём, – возвращая себе легкомыслие, бросила Настя.

– Без меня? – возмутилась Диана.

Настя вздохнула:

– Куда же без тебя?

Я до сих пор ощущаю на губах лёгкий привкус парфюма. От неё пахло жаром и свежестью одновременно. Выпечкой, домом, теплом...

Терпение на исходе, и я беззвучно стою, вжимаясь затылком в сиденье машины. Я до последнего думал: «развод – это блажь». Что Настя не сможет вот так отказаться от жизни, от нашей семьи.

Эта измена была просто поводом! Не будь её, повод нашёлся бы всё равно? Никогда не забуду, с каким наслаждением она сунула мне эту чёртову папку. Как будто хотела развода. Ждала, когда сможет расстаться со мной.

Мне до сих пор кажется, что я убью любого, кто посмеет приблизиться к ней. Но зачем? Ведь она не моя! Но в ладонях свербит, и мне с трудом удаётся взять себя в руки.

Телефон загорается снова. Снова звонок от отца. Он никогда не звонит по два раза. Я с беспокойством беру.

– Да! – бросаю обрывисто.

– Илья, – произносит отец, – Я обо всём договорился! Но это не ради тебя. Ради внука.

До меня не сразу доходит, что он имеет в виду:

– О чём договорился?

– Об операции, – сурово бросает родитель, – Если первая пройдёт успешно, то вторую сделают здесь же.

– Но... разве в Грузии есть клиники...? – пытаюсь противиться.

– Причём здесь Грузия? Я про Израиль! – заявляет отец, – Связи мои выходят далеко за пределы родной страны. Хотя, и здесь есть доктора наивысшей квалификации!

Я соглашаюсь:

– Конечно.

– Один из таких, – продолжает отец, – Уехал отсюда в Израиль. Но я не сержусь на него. Мне ли сердиться? Чьи сыновья разлетелись по чужим странам?

Он замолкает, а затем говорит:

– Но это не меняет моего отношения к тому, что ты натворил.

Я жмурюсь от яркого света. От того, каким ярким становится свет!

И, возможно, впервые за всю свою жизнь, отвечаю ему:

– Я люблю тебя, папа.

О стекло бьются белые хлопья. Зима! Первая, порознь. Смотрю на свой дом на другом конце улицы. Украшенный яркой гирляндой. Раньше я вешал её вместе с сыном. А теперь? Кто помогает ему это сделать?

Оставаться на месте нельзя. Иначе я долго не выйду из ступора. И я отъезжаю, врезаясь колёсами в рыхлый дорожный настил.

Глава 2. Настя

За окном вечереет. Ночи зимой длинные. И это мне на руку! Витя теперь закрывает свой сервис чуть раньше. Потому, что он знает, что на ночь я не останусь. Поначалу считал, что я замужем. Но я однажды рискнула ему рассказать! Что в разводе, и что у меня есть двое детей.

Он воспринял не просто стоически. Он был рад!

– Я всегда мечтал о семье. Настоящей семье, – поделился со мной наболевшим.

– У тебя ещё есть шанс обзавестись ею, – брякнула я, имея ввиду его собственный шанс. Стать отцом, чьим-то мужем.

Но Витя воспринял по-своему. Глаза загорелись в вечерней прохладе каморки.

– Правда, есть? – повторил он с надеждой.

И мне ничего не осталось, как тихо кивнуть и прижаться к нему своим жарким расслабленным телом...

Единственный яркий фонарь освещает парковку у сервиса. Там написано «Только для клиентов». Но ведь я же клиент? И мой красный Фиат, чуть присыпанный снегом, стоит одинокий и ждущий.

Витина старая Хонда сломалась. Он и есть настоящий сапожник! У которого нет сапог. Чужие он с лёгкостью чинит, а на свои времени нет. И потому Витя ходит пешком.

Смешной он! Наивный. И в этой наивности есть что-то детское. И я в который раз думаю, уж не сглупила ли?

«Не сглупила», – твердят его руки. Лаская меня, не по-детски. Совсем по-мужски! И губы, сухие горячие, жмутся к чувствительной впадинке на сгибе локтя.